

— «Гальваник Федор Павлович Крупинкин был найден мертвым около двенадцати часов дня у гальванических ванн. Тело Крупинкина обнаружила технолог цеха номер двадцать Анастасия Юрьевна Ельчинская. Подошедшая по ранее договоренности к Ельчинской журналист газеты «Наш город» Юлия Сорнева вызвала скорую помощь и полицию». Я правильно все излагаю?

Следователь перечитал написанное и теперь пристально вглядывался в Юлю. Но лицо, словно она что-то хотела утаить. Он не догадывался, что Юля до приезда полиции успела сфотографировать место происшествия, скинуть фотографии в редакцию, и они появятся уже в завтрашнем выпуске газеты, поэтому ей информация тоже нужна и она ее получит.

— Скажите, от чего он умер? — спросила Юля.
— Какие есть версии?

— Пока осматривается место происшествия, потом будет сделано заключение.

— Ну, понятно, что потом. А что сейчас? Хотя бы предположения. Вы же спец в этих делах!

Но следователя не так-то просто было сбить с толку:

— Сейчас идет осмотр происшествия. Вы лучше скажите, когда сможет ответить на вопросы следователя подружка?

— А почему вы думаете, что она моя подружка? Удивилась Юля.

— Потому что вы же ее знаете.

— Что вместе? Вместе сто-

яли и ждали полицию — да. **Но вот подружка, — это нет.** Мы договорились, что я возьму у нее интервью, как у молодого специалиста, а про дружбу пока говорить рано. Я приехала сюда работать, записываю интервью.

ЖУРНАЛИСТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Предел несовершенства

Людмила ФЕРРИС

Тут Юля и зазвонил телефон и она, выйдя из кабинета, их разговор с Келли слушать не могла. Она шла на работу, пока видела следователя, она не могла не пригнуться.

— Это вы же следователь, разговаривали с ним?

— Это не следователь, а журналист.

— А почему вы думаете, что она моя подружка? Удивилась Юля.

— Потому что вы же ее знаете.

— Что вместе? Вместе сто-

лист Сорнева не любила таких «нарывистых» парней, даже пусть это важные следователи, поэтому огрызнулась: — Делайте запрос моему мобильному оператору и получите официальный ответ.

— Спасибо за совет, обязательно воспользуюсь!

Расставшись со следователем, Юля решила навестить Настю. Та сидела на своем рабочем месте и пребывала в ступоре, все попытки Юли вывести ее из этого состояния не увенчались успехом.

— Успокойся, успокойся, уже ничего не вернешь и не изменишь. Это жизнь, Настя, такая поганая жизнь. Она конечно, люди умирают, все умирают, никто не живет вечно и очень редко кто дотягивает до ста лет.

Настя замотала головой:
— Нет, нет. Его убили!

— С чего ты это решила?

— У него кровь, у него на груди кровавая рана, я видела!

— Что ты видела? — Юлька поняла, что в этой смерти около гальванических ванн не все так просто, а она-то думала, что обойдется сотней газетных строк. — А почему я рану не видела?

— Я работала халатом его прикрыла, но мне вчера показалось странным, что он не хочет говорить.

— А почему вы думаете, что она моя подружка? Удивилась Юля.
— Потому что вы же ее знаете.
— Что вместе? Вместе сто-

— Федор Павлович вчера

Журналистское расследование (Эксмо)

Людмила Феррис

Предел несовершенства

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Феррис Л.

Предел несовершенства / Л. Феррис — «Эксмо»,
2017 — (Журналистское расследование (Эксмо))

ISBN 978-5-699-97296-8

Жизнь корреспондентки городской газеты Юлии Сорневой бьет ключом: вчера ей сделал предложение блистательный американский инженер Кевин, а сегодня она становится свидетельницей кровавого преступления на городском предприятии, куда Юля пришла взять интервью у молодой сотрудницы. Давняя подозрительная авария, сложные отношения в семье погибшего, испанская красавица Зэрита, загадочные «золотые солдатики», девушка, ушедшая в монастырь, мужчина со страшным шрамом — только составив из этих разрозненных лиц, событий, встреч и фактов цельную картину, можно вычислить неуловимого убийцу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97296-8

© Феррис Л., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Людмила Феррис
Предел несовершенства

© Феррис Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Пролог

Мужчина подошел к окну и замер: улица была безлюдна, только на той стороне дороги медленно брела собака, ее уши почти волоклись по земле и отблескивали крохотными светлячками в пламени ночных фонарей. Ему казалось, что он слышит, как животное скулит.

– Как мы с ней похожи, – вдруг подумал он.

Оба одиноки, несчастны и бесполезны. Он тоже будто бредет в тоскливом пространстве жизненного коридора, где не видно конца, только ледяные стены, с которых стекает вода, пахнущая тухляком, и холодная, как его пот.

Жить в мире обманов и заблуждений долго невозможно, за это приходится дорого платить.

Мозг любит создавать видимость того, чего нет в реальности, например, миражи, такие как иллюзия резиновой руки. Когда он подростком прочитал об этом психологическом опыте, то был очень впечатлен.

Эксперимент с резиновой рукой прост: если одна рука лежит перед человеком на столе, но при этом спрятана за экраном так, что он не может ее видеть, а вместо нее видит резиновую руку, происходит удивительное. При одновременном поглаживании реальной спрятанной руки и резинового муляжа человеку начинает казаться, что резиновая рука – это его рука, и он ощущает прикосновения к резиновой руке. Это все потому, что наш мозг не любит противоречий и строит новый образ, далекий от реальности.

Может, его кажущееся одиночество – тоже иллюзия?

В одиночестве нуждается разум, как в воздержании от пищи – тело. Но во всем есть мера, постоянное одиночество разъедает душу и делает жизнь бессмысленной, превращая ее в сплошное мучение.

Он поежился, словно от холода, потому что вдруг неожиданно вспомнил острую душевную боль от детской обиды – такая боль потяжелей, чем физическая. Подростка во дворе не только не взяли играть в мяч, но и сделали посмешищем.

– Нам такой урод не нужен, – сказал самый старший мальчик в компании, а те, кто помладше, засмеялись и начали кидать камни.

Булыжники летели со страшной силой и разбивались совсем рядом с его телом, задевая осколками руки. Один камень попал в голову, и кровь потекла по лицу.

– Так тебе и надо, не ходи за нами! – кричали обидчики.

Его душили слезы, но он замер, как истукан, хотя все внутри кипело яростью и гневом к обидчикам и жалостью к себе.

– Вот я сейчас позову участкового! – пригрозила дворничиха и прикрикнула на него: – Что ты стоишь? Беги домой, не связывайся с хулиганами.

Он потом отомстил всем своим врагам, в темноте подкарауливал каждого поодиночке в подъезде и бил кирпичом по голове.

Мужчина не любил возвращаться воспоминаниями в свое детство. Из-за собаки за окном это случилось, что ли? У них во дворе тоже был пес, ничейный, лохматый, обычная дворняга. Мальчик приносил ему кости, гладил шелковистую шкуру и смотрел в грустные собачьи глаза.

Ему часто казалось, что он живет на необитаемом острове, и то, что вокруг много людей, совсем ничего не значит, всем на него наплевать. Его не слышат, не слушают, не понимают.

Он привык наблюдать за людьми. Наблюдение. Оценка. Действие. Его выведенный опытным путем способ был универсален и позволял сохранять равновесие во всех жизненных ситуациях.

– Дзыыынь, – раздалось за окном.

Это собака с длинными ушами перевернула мусорницу в поисках пищи. Мужчина хрипло засмеялся, и его рот перекосило, он потрогал рукою болезненный шов, тянущий щеку.

– Дзынь. – Пес разочарованно закрутился на месте – урна была пуста.

Ну вот, собачьи ожидания не оправдались, так по жизни всегда, и не важно, человек ты или барбос.

Мужчина тоже сначала часто обманывался, и ему наивно казалось, что чем меньше хочешь, тем больше получишь. Ерунда! Надо сразу ставить высокую планку и выигрывать, иначе незачем болтаться под ногами у других.

– Болли! Болли! – Ниоткуда на улице возникла старуха и кинулась к собаке, а пес залаял и запрыгал от радости, увидев хозяйку. – Болли! Я так долго тебя ищу!

Старуха приладила на собачью шею поводок, и они двинулись по улице, одновременно счастливые, человек и животное. Светлячки медленно удалялись и гасли.

– Ну вот, собаке повезло, она оказалась кому-то нужна.

А у него свой хозяин, свой бог, он сделал выбор и не жалеет об этом.

Глава 1

Она пощекотала ему нос, потрогала за ухо и поцеловала в щеку. Кевин застонал и перевернулся на другой бок.

– Соня-засоня, проспийшь такое красивое утро. – Юля сунула ноги в тапочки и пошла на кухню варить кофе. У них уже был такой ритуал – по утрам вместе пить кофе.

Городской журналист местной газеты «Наш город» Юля Сорнева неожиданно для себя влюбилась по переписке на Фейсбуке. Молодой американец Кевин Снатс писал такие необыкновенные письма о любви, что она, все время работающая с текстами, попала на интернет-удочку. Юлька не могла оторваться от писем, такой магией и энергетикой они обладали, и перечитывала их по нескольку раз в день. Она даже убеждала себя, что это спам, рассчитанный на таких глупых девушек, как она. Скоро американец должен попросить денег в долг, и тогда Юля успокоится, поскольку поймет, что это аферист, альфонс, в общем, тот, о ком предупреждают дамочки, имеющие печальный опыт общения с такими типами в Интернете. Короче говоря, обычный мошенник.

Но денег американец не попросил, а неожиданно приехал в Россию, в ее сибирский город, и пришел прямо в редакцию. Юля так растерялась от неожиданности, что напрочь забыла все английские слова, однако ее выручил Кевин, еще плохо говорящий по-русски:

– Джулия, я приехал жениться на ты!

– На тебе, на те-бе, – по слогам подсказывала ответственный секретарь газеты Мила Сергеевна.

– Кевин! Ты настоящий? – только и смогла произнести Юлька. – Настоящий?!

Юлия и Кевин ушли из редакции, долго гуляли по городу, и позже неловкость куда-то исчезла сама собой. Конечно, если бы юноша жил по соседству и они виделись каждый день, она бы особо не переживала. А так между ними было огромное расстояние, десятки писем, а теперь вот случилось внезапное сближение и познание друг друга. Они изъяснялись на смешанном русско-английском, и этот словесный винегрет был забавен, смешон и трогателен.

– Ты красивый, как дерево.

– Ты хочешь сказать, что я деревянная, – смеялась Юлька.

– Ты деревянная и стеклянная, – кивал Кевин.

– А почему стеклянная?

– Потому что хрупкая, – не сдавался он. – Мед, ты мой подруга, и я твоя подруга навеки.

– Ты не можешь быть моей подругой. Подруга – это женщина. Ты мой друг.

– Я твоя подруга и друг, – соглашался он и добавлял: – Мое слово – стена.

– Почему ты называешь меня Мед? Мед – это приторно! Противно!

– Противно – это какой? Мед – это красиво, это хорошо. Ты мед!

Уже три месяца они были вместе, вместе засыпали и просыпались каждый день, и это было настоящим чудом, чудом любви, счастья, бесконечной радости. Хотя, казалось бы, ничего общего между ними не было, сплошные несовпадения: инженер-программист и журналист, русская и американец. Но так и происходит в жизни: встречаются и притягиваются противоположности, как плюс и минус.

Чтобы удержать, сохранить, не спугнуть это счастье, расширить знания про другую страну, Юлька читала в Интернете об особенностях американских мужчин, и оказывалось, что американцы близки русской широкой душе, для них важны семейные ценности, здоровое питание и такой же здоровый образ жизни и спорт. Общение с Кевином только подтверждало то, что писали в Интернете. Он занимался по утрам зарядкой, обливался водой и вообще следил за своим телом.

– Утром надо сок, витамин. – Кевин брал с полки соковыжималку, которая у Юльки, конечно, ни разу не использовалась, колдовал над ней и протягивал ей стакан сока.

– Как тебе не лень, Кевин?

– Не понимаю, Джулия. Это важно для здоровья!

Еще для здоровья была важна каша по утрам, фруктовый суп и кукуруза. Вот с кукурузой возникли определенные проблемы: не росла кукуруза в Сибири, а на полках стояла только кукурузная мука, на которую американец смотрел с подозрением.

– Кукурузный должен быть желтый. Она белый. Это не кукурузный! Это опасно!

– Кукурузный! Еще какой кукурузный, – передразнивала его Юлька. – Только у нас, наверное, технология другая, и желтизны нет.

Что Кевин совсем забраковал, так это креветки. Осмотрев самую дорогую магазинную упаковку, он произнес:

– Это есть нельзя.

– Это хорошие дорогие креветки. Я их ела, они вкусные.

– Нет, Джулия, это много снег, грязный лед, а не продукт, нет креветки! Я не могу, чтоб ты есть. Нельзя.

– Ну хорошо, нельзя так нельзя. – Юлька не сопротивлялась, она вообще словно плавно плыла по течению в реке любви и желания, где выполнялись все ее прихоти, где ею гордились, ее обожали и любили – страстно, нежно и, конечно, навсегда.

На работе ответсек Мила Сергеевна сразу заметила перемену.

– Ну, Сорнева, ты сияешь, как начищенный самовар. Улыбаешься все время. Как американкой стала, все с улыбкой ходишь и глаза счастьем светятся. Я правильно тебе говорила: не упускай свое счастье, держись за Америку. Он хоть богатый?

– Милочка Сергеевна, дорогая, да при чем тут богатство! Он обычный инженер-программист, вот была возможность в России пожить некоторое время, работу на расстоянии делать, он этим и воспользовался. Сейчас возвращается назад, в Америку. Кстати, почему я самовар? Он же мужского рода.

– Как в Америку? Ты разве замуж за него не выходишь, Сорнева? А самовар просто в голову пришел, если не хочешь, будь самоварихой. Ты не увливай про замужество!

– В принципе, выхожу.

– В каком принципе? Тоже мне журналист называется!

– Замуж выхожу, но только после того, как Кевин определится со сдачей последнего проекта, вернется опять в Россию, и тогда заявление подадим.

– Ой, Юлька, не нравится мне это, что он туда-сюда мотается! А вдруг у него в Америке семья? Все-таки ты самовар, Сорнева.

– Не придумывайте, Мила Сергеевна!

– Вы в какой стране собираетесь жить? Надеюсь, в Америке?

– Нет, в России. Мы будем жить в России, потому что я без своей родины не смогу, а Кевин не сможет без меня. Вот сейчас пойду в статье очередной раз воспеваю свой город.

– У тебя песни, Сорнева, очень громкие. Правда, есть плюс: газета влет уходит.

– У меня тема нынче – сплошной позитив. Сейчас я пишу про молодых специалистов, например, про технолога Анастасию Ельчинскую, которая приехала по распределению из московского вуза в нашу Сибирь. Она металловед, врач по металлу. Мы договорились, что встретимся в ее перерыв на рабочем месте, чтобы мне своими глазами посмотреть, как она преодолевает трудности. Пропуск заказан, и меня ждут!

– Ой, болтушка ты, Юлька, болтушка! Бог с ними, с твоими героями. Самое главное, что ты счастье нашла. А мне вот даже на сайте знакомств не везет – все старики какие-то попадают.

Юлька хотела было ответить, что самой Миле Сергеевне, в общем, тоже не восемнадцать, но передумала и мысленно пожелала ей счастья.

В заводском цехе было шумно, недалеко от входа стучал пресс, образуя облака пара, и чтобы показать, куда идти дальше, Юле дали сопровождающего – табельщицу цеха, и Юля не отставала от нее ни на шаг. Территория завода ей показалась огромной, как аэродром.

– Долго еще?

– Вон за тем пролетом!

Юля и ее спутница дошли до пролета и повернули направо.

– Вам туда. – Табельщица махнула рукой. – Идите вперед, не заблудитесь.

На участке было тихо и светло, гудели промышленные печи, блестели ванны, наполненные какими-то жидкостями. Вокруг – никого. Юля огляделась.

– Ау, есть кто живой? Ауууууу! – Ей показалось, что около большой ванны шевельнулась девичья фигура.

– Здравствуйте, мне нужна технолог Ельчинская. Анастасия Ельчинская. Где мне ее найти?

Темная фигура медленно приближалась к Юлии, в ней читалось сильное напряжение, пальцы сжались в кулак так, что побелели косточки, в глазах стоял ужас.

– Где мне найти Анастасию Ельчинскую?

Девушка посмотрела на нее невидящим взглядом.

– Что случилось? Что у вас случилось? Я могу помочь?

Незнакомка затряслась и молча показала на гальванические ванны, после чего застыла на месте. Юлька быстро шагнула вперед и увидела, что в проходе между ваннами лежит мужчина в темном халате. Она потрогала его за ноги.

– Гражданин, вам плохо?

Человек молчал. Тут внезапно заговорила девушка:

– Настя Ельчинская – это я. А вы журналистка Юлия Сорнева? Это мы с вами договаривались о встрече? Видите, какие у нас тут дела!

– Настя, вызывайте «Скорую», человеку плохо!

– Да-да, – потерянно отозвалась Настя. – Это наш гальваник Федор Павлович. Он мертвый, у него пульса нет, я искала.

Настя затряслась и громко заплакала, а Юлька начала набирать номер «Скорой».

Глава 2

– Гальваник Федор Павлович Крупинкин был найден мертвым около двенадцати часов дня у гальванических ванн. Тело Крупинкина обнаружила технолог цеха номер двадцать Анастасия Юрьевна Ельчинская. Подошедшая к Ельчинской по предварительной договоренности журналист газеты «Наш город» Юлия Сорнева вызвала «Скорую помощь» и полицию. Я все правильно излагаю? – Следователь перечитал написанное и теперь пристально вглядывался в Юлино лицо, словно она что-то хотела утаить.

– Правильно!

Мужчина не догадывался, что Юля до приезда полиции успела сфотографировать место происшествия, скинуть фотографии в редакцию, и они появятся в завтрашнем выпуске газеты, поэтому ей информация тоже нужна, и она информацию получит.

– Скажите, отчего он умер? Какие есть версии?

– Пока осматривается место происшествия, потом будет сделано заключение.

– Ну, понятно, что потом. А что сейчас, хотя бы предположения? Вы же спец в этих делах...

Но следователя было не так-то просто сбить с толку.

– Сейчас идет осмотр места происшествия. Вы лучше скажите, когда сможет ответить на вопросы ваша подруга?

– А почему вы решили, что она моя подруга?

– Потому что вы вместе.

– Что вместе? Вместе стояли и ждали полицию – это да. Но вот подруга – это нет. Мы договорились, что я возьму у нее интервью, как у молодого специалиста, а про дружбу пока говорить рано. Я пришла сюда, чтобы работать, записывать интервью.

Тут у Юлии зазвонил сотовый телефон, и она, чтобы их разговор с Кевином не слушали чужие уши, перешла на английский. Юлька видела, как напрягся следователь.

– Это вы с кем сейчас разговаривали?

– Это не имеет отношения к происшествию, – ответила она.

– А можно мне решать, что имеет отношение, а что нет?

– Пожалуйста. – Журналист Сорнева не любила таких «нарывистых» парней, даже пусть это важный следователь, поэтому огрызнулась: – Делайте запрос моему мобильному оператору и получите официальный ответ.

– Спасибо за совет, обязательно воспользуюсь!

В это время Настя сидела на своем рабочем месте и пребывала в ступоре, все попытки Юли вывести ее из этого состояния не увенчались успехом.

– Успокойся, успокойся, ты уже ничего не вернешь и не изменишь! Это жизнь, Настя, такая поганая жизнь. Она конечна, люди умирают, все умирают, они не живут вечно и даже недотягивают до ста лет.

Настя замотала головой:

– Нет, нет. Его убили!

– С чего ты решила?

– У него кровь, у него на груди кровавая рана, я видела!

– Что ты видела? – Юлька поняла, что в этой смерти около гальванических ванн не все так просто, а она-то думала, что обойдется сотней газетных строк. – А почему я рану не видела?

– Я халатом его прикрыла рабочим. Он ко мне вчера подходил со странным разговором, но я не хочу это полиции рассказывать.

– А ты мне рассказывай! – Юлька придвинулась поближе к технологю Анастасии Ельчинской.

– Федор Павлович вчера тоже со мной в смену работал, партию волноводов серебром покрывал, чтобы коррозии не было. С одним волноводом какая-то проблема была, я и стала разбираться.

– А что за проблема? – автоматически спросила Юля, ожидая быстрее продолжения рассказа.

– Решили, что волновод плохо обезжирен, попробовали еще раз, и вроде все пошло.

– Что пошло, Настя, а что поехало? Русским языком говори, я тебя не понимаю!

– Да процесс серебрения потом наладился, и все волноводы покрылись ровненько. Я вижу, что Федор Павлович расстроенный, на нем лица просто нет, я и спросила, что случилось.

– А он? – Боковым зрением Юля видела, что в их сторону идет следователь.

– Он сказал, что его скоро убьют, потому что его жизнь ничего не стоит.

– Так и сказал?

– Так и сказал. – Настя снова смотрела в одну точку.

– Я наконец могу с вами пообщаться? – спросил следователь.

– Можете, только я ничего не знаю, – заторопилась Настя. – Когда я уходила к контролерам, Федор Павлович один на участке оставался. Я вернулась – никого уже не было. Потом я подошла к ваннам и увидела, что он там лежит. Я накрыла его халатом. Все остальное вы уже знаете.

– А зачем вы подходили к ваннам?

– Это моя работа. В технологическом процессе написано: контроль за внешним состоянием гальванических ванн.

– А где находились остальные рабочие участка?

– Были заняты своими делами. Один ушел в архив за техпроцессом, другой был на пескоструйном участке, третий загрузил детали в термическую печь и пил чай в подсобке. Вроде так, я же за ними не наблюдаю, мое дело – технологии.

– А за печью следить не надо?

– Там одна закалка металла по времени больше часа, сто раз можно чай попить. За рабочих мастер отвечает, Жданов Константин.

– Вы сейчас мне на бумаге изложите, кто и где был во время происшествия.

– Хорошо.

– А вы, девушка, можете быть свободны, – обратился следователь к Юле. – Мне еще с начальником цеха беседовать и с другими сотрудниками цеха. А вы не сотрудник, как я понимаю, – съехидничал он. Но Юльку на такую «дохлую кошку» не поймаешь, когда ее откуда-то гонят, она остается именно на этом месте, из принципа, из вредности.

– А я никуда не спешу. Я еще свое производственное задание не выполнила – не записала интервью с Ельчинской.

– Вы думаете, это сейчас своевременно? Может, как-нибудь в другой раз?

– Может, – согласилась Юля. – Только про этот другой раз нужно тоже договориться.

И она направилась к Насте, которая, услышав их разговор со следователем, начала отнекиваться:

– Давай никаких интервью не будет. У меня человека на участке убили! Не смогу я.

– Тихо, тихо, не шуми! Да при чем тут интервью? Я же не сумасшедшая какая, рассуждать сейчас с тобой о смысле жизни и впечатлениях о цехе! Но мне надо сделать вид, что мы с тобой общаемся, потому что я хочу походить по твоему участку, посмотреть. Понятно? Если ты уверена, что Федора убили. Если так, надо узнать почему.

– Понятно, что ничего не понятно. Ходи, смотри, только следователь на тебя вон косится.

– Да и ладно, будет выгонять, уйду, а пока, извини, нет.

Юля сновала по участку, как рыба по знакомому аквариуму.

– Сорнева, вы что там делаете? Давайте уже с вами прощаться, – не выдержал следователь. – Надеюсь, пресса не будет делать опрометчивых выводов и заключений.

Юля перехватила недовольный взгляд приблизившегося к ней начальника цеха и поняла, с каким удовольствием находящиеся здесь мужчины вытолкали бы ее взащей.

– Ухожу, ухожу, ухожу, – с улыбкой произнесла она.

Тем более что Кевин звонил ей несколько раз, и вообще он завтра уезжает, а сегодня любимый обещал ей романтический вечер.

«Ну к черту этого гальваника Федю! Наверное, напился на рабочем месте, и пошла кровь горлом, хотя Настя говорила, что рана у него была на груди. Значит, споткнулся о ванну в нетрезвом состоянии, поранил грудь, такое у работяг возможно».

Узнать что-то у экспертов не получилось, по их словам, они были заняты, а ей со стороны казалось, что они просто глубокомысленно смотрели на мертвеца и по очереди трогали его тело. Кровь она действительно увидела, небольшую лужицу, потрясающе красную на фоне светло-серого пола.

Так, хватит! Забыть про этого Федю, забыть хотя бы на сегодняшний вечер! Дома ее ждет потрясающий мужчина по имени Кевин, и он ее любит, Юля это точно знает!

Глава 3

Она опоздала на редакционную планерку, и оправдания у Юли нет. Ее американец Кевин вчера улетел, и она отпрашивалась на целый день, а сегодня банально и примитивно проспала. Придумывать легенду для главреда она не будет, а все его претензии выслушает с поникшей головой.

– Заурский про тебя спрашивал, говорил, что потерял, – сказала секретарь.

– Вот я нашлась, проспала, Валентина Ивановна, – честно ответила Сорнева.

– А мне вот не спится, встаю в пять утра и цветы начинаю поливать от безделья. Спи, Юлька, пока спится!

Журналисты высыпали в приемную, и Мила Сергеевна не преминула язвительно заметить Юле:

– На планерку нам, конечно, ходить не надо. Мы же любимицы главреда!

– А вы, похоже, ревнуете, Милочка Сергеевна! – Но их диалогу не было суждено продолжиться, потому что Заурский высунулся из кабинета и произнес: – Сорнева, давай, заходи!

– Прospала, поди?

– Да, Егор Петрович, каюсь.

– Ты мне давай расскажи, в какую очередную историю опять вляпалась?

– Это я вляпалась?! Ну вы даете! Это вы меня на такие задания посылаете. Сказали написать про молодых специалистов, осваивающих завод, я и взяла кандидатуру в отделе кадров – технолог Настя Ельчинская, симпатичная, между прочим, девушка. Но я же не виновата, что именно в тот день и час, когда мы должны были записывать интервью и я с диктофоном пришла к ней в цех, там погиб гальваник! А нашла тело, между прочим, моя героиня, только после этой находки она не могла мне ничего вразумительного сказать о любви к своему заводу, да я и спрашивать не стала. Фотографию умершего вам по Ватсапу переслала. Вы ведь ее получили? И что делать будем, Егор Петрович? Баним материал?

– Сорнева, а по-русски можно выражаться, без ваших интернет-словечек? За фотографию спасибо, молодец, она нам пригодится. А гальваника убили, ткнули заточенной пикой в грудь. Это мне в полиции потихоньку на ушко нашептали. Поэтому, Юлечка, молодые специалисты временно откладываются, давай хорошенько поройся в этой истории. Материал может получиться классный. Расследования – твой конек.

– Как же я рыться буду, Егор Петрович! Завод далеко, за проходной! Там обитают все герои.

– Не прикидывайся маленькой девочкой из подготовительной группы! Все, что узнаю в полиции, тебе расскажу. В завтрашний номер полсотни строк напишешь с фотографией убитого, и давай, рой, копай, ищи, как говорил Черчилль, «непричесанную правду жизни».

– Егор Петрович, какой Черчилль, у меня кризис жанра!

– Американец отъехал? Так в этом плюсы надо искать для работы, девочка моя. У тебя сейчас масса свободного времени! Никаких разговоров про творческий кризис, когда такое в голове возникает, надо работой загружаться, заодно и по американцу страдать времени не будет.

– Да уж вы загружаете – не вздохнешь!

– Ты вчера отдыхала, на работу вон опоздала. Так что рекомендую только один рецепт: исправление трудом, – парировал главред. – Собирай информацию – и ко мне, дальше будем вместе мозговать.

Юлька пошла к своему рабочему столу. Да уж, она знала наизусть все установки Егора Петровича, касаемые работы: журналист должен обращать внимание на все, что происходит вокруг, знать многое, даже то, что не касается его деятельности. Он должен много читать и

постоянно напрягать память, быть всегда на связи, а также иметь хороших информаторов. Мила Сергеевна обычно добавляла:

– Еще нужно уметь работать на ходу, а после окончания работы журналист может быть свободным, то есть приниматься за другую работу.

Егору Петровичу легко говорить – собирай информацию. А где она ее возьмет? Ведь кроме испуганной девушки Насти и следователя, который все время язвил и выпроваживал ее с места происшествия, она толком никого не видела. Это у Егора Петровича есть «высший пилотаж» – постоянная работа с негласными источниками, с друзьями, информация от которых всегда оперативная, правдивая и достоверная.

Настя! Ну конечно, технолог Анастасия Ельчинская, ее несостоявшаяся героиня, сможет ей что-то рассказать! Юлия с отъездом Кевина совсем потеряла способность соображать. «Американский ковбой» заставил ее почувствовать себя женщиной, так что она на время утратила способность к журналистике. Это российская женщина должна успевать везде: учиться, работать, мыть, стирать, убирать и делить с мужчиной все обязанности поровну. Кевин вел себя с ней так, что Юлия каждую минуту ощущала: она любима, желанна, и общение с ней, ее присутствие делают мужчину добрее, сильнее, благороднее. Он удивительным образом умел заботиться и переживать за нее. Юлия даже ощущала, что мужское внимание Кевина пробуждает в ней очарование, грацию, женственность, озаряет лицо, взгляд, улыбку.

– Мед, ты самый красивый на свете! – говорил Кевин, когда брал ее за руку, и она действительно ощущала, что она самая неотразимая, самая красивая и любимая. Как это у него получалось, она не знала. Как американец, не очень хорошо изъясняющийся по-русски, находил слова и образы, которые она даже сначала не могла осознать.

– Ты мое окно смотреть в вечность.

– Окно, Кевин? Ты ничего не спутал? Почему я вдруг окно?

– Нет, Джулия. Я смотрю на тебя и вижу целый мир. Ты мое окно.

Она до сих пор не могла поверить в свое счастье и растворялась в нем, забывая обо всем происходящем вокруг.

У нее не было перед глазами образцов счастливой семейной жизни. Она вообще выросла без мамы, с бабушкой и отцом, который бывал дома редко и работал вахтовым методом на космодроме в научном центре. Нет, она, конечно, была любима родными, но никак не могла от них получить ответ на вопрос, где ее мама. Только уже после смерти бабушки они сблизились с отцом, и позже, под напором вопросов дочери, он рассказал ей о семейной тайне, единственной в своей жизни любви к американской космонавтке Оливии Грин, ее маме¹.

Оливия была учителем штата Бейн и стала членом космического экипажа, после того как выиграла конкурс, проводимый по всей стране корпорацией «Ранс»-«Женщина в космосе». Отношения молодого ученого Евгения Сорнева и американки длились очень недолго, он вернулся в Россию, и уже потом, после многочисленных просьб и хождений к начальству, ему передали, как посылку, маленькую девочку, его дочь. Оливия исчезла из жизни Евгения Сорнева и Юлии навсегда. Космический корабль взорвался через несколько минут после старта, и весь экипаж, включая Оливию Грин, погиб. Много лет спустя они с отцом побывали на братской могиле погибшего экипажа, и она помнила, как папа со слезами на глазах гладил гранитную плиту и шептал:

– Моя принцесса, ты моя принцесса...

Наверное, любовь к Америке и к американцам передалась ей по наследству, по отцовской линии, душевно-сердечным путем. Любовь вообще передается по каким-то невидимым проводкам, которые есть в каждом из нас, и если встречается «твой человек», твоя половинка, то проводки души переплетаются, и разорвать их уже невозможно. Юля и сейчас, когда Кевина

---

¹ Людмила Феррис «Слишком большой соблазн».

нет рядом, ощущала его присутствие, думала о нем, и ей казалось, что она слышит это странное и уже родное обращение к ней:

– Мед, ты мой мед, Джулия!

Она готова быть его медом, окном, она просыпалась и засыпала с его именем, и каждый день для нее был полон радости, фантазий, и ничего вокруг больше не имело значения. Он сказал, что вернется через три месяца, когда сдаст проект, и тогда они поженятся и никогда не будут расставаться. А пока... Пока, журналист Сорнева, давай, включай мозги и направляй свою энергию на работу. Егора Петровича, да и редакцию подвести нельзя, от тебя требуется очередной «убойный материал». Газета – это тоже твоя жизнь, которая была до Кевина, и только благодаря газете ты завела страничку на Фейсбуке, и в этом интернет-пространстве случилось твое «американское любовное сумасшествие» по имени Кевин.

Юля набрала телефон Ельчинской.

– Да, – заспанным голосом ответила Настя.

– Настя, Настя! Это Юля Сорнева из газеты «Наш город». Я вас разбудила?

– Да ерунда, я простыла, приболела. Я вас узнала, Юля. Я вас помню, такое не забывается.

– Слушай, давай на «ты».

– Хорошо.

– А можно я приеду к тебе? Мне поговорить надо.

– Конечно, приезжай. – И Настя продиктовала адрес общежития. – Приезжай. Нам есть о чем поговорить.

Глава 4

Когда Настя Ельчинская получила диплом, в котором было написано: «присваивается квалификация инженера-металловеда», то ее радости не было предела. Наконец началась ее взрослая жизнь, и она больше не будет волновать маму, которая живет в Подмосковье, хватает ли дочке денег на студенческое житье. В Сибири, на машиностроительном заводе, куда она устроилась на работу, хорошо платят, и она сможет помогать маме.

Многие девчонки с ее курса повыходили замуж сразу после защиты, традиционно за горняков, которые потом отправлялись «за туманом и запахом тайги» в далекие экспедиции. Настя замуж не спешила, по правде сказать, она просто не встретила того единственного, за которым бы пошла на край света, а «просто так» ей не хотелось. Однажды, на танцах в общежитии, она познакомилась с чернявым горняком. От него пахло дешевым лосьоном.

– Что-то я вас раньше не видел. Вы, наверное, металлостроитель?

– Наверное. – В его вопросе ничего оригинального не содержалось, потому что металлостроительство было абсолютно женской специальностью.

– Может, продолжим вечер? – предложил он.

– Вы хотите пригласить меня в театр?

Собеседник удивленно промолчал, а потом словно выдавил:

– А почему в театр?

– А почему нет? – вопросом на вопрос ответила она.

– Может, пойдем ко мне в комнату?

– А может, на выставку кошек?

Настя намеренно продолжала эту словесную игру, ожидая чего-то оригинального.

– Может, все-таки в комнату? – повторил он.

Как же, пойдет она к нему в комнату, где его сосед демонстративно станет прохаживаться по коридору или стоять под дверью, а чернявый горняк будет угощать ее дешевым вином и приставать! Лучше бы он позвал ее на выставку кошек, это, по крайней мере, не скучно. Кстати, кошки – это не люди, и они ни за что не будут спать с теми, кого не любят.

– Брррррр!!!! – Она представила картинку, как сидит с ним в комнате и пьет дешевое вино.

Насте нужно, чтобы сначала загорелась душа, запылало сердце, а потом уже все остальное, наоборот у нее ничего не получается. Но ведь свою половинку надо найти, поэтому с молодыми людьми общение не прекратишь.

– Потому что я люблю театр и кошек, – отчеканила она.

– Аааа, – произнес он в ответ, и танец закончился, а отношения не начались, поэтому чернявый пошел дальше высматривать в толпе девчонок ту, что согласится сразу пойти к нему в комнату.

В Сибири ее ждало разочарование: места в лаборатории металлостроительства не было.

– У меня же вот, распределение! – Настя чуть не плакала в отделе кадров. – Я ведь молодой специалист именно по этому профилю!

– И хорошо, нам молодежь нужна! Специальность ваша тоже! В цех нужен технолог, там все по вашей специальности, идите в цех! – уговаривала ее кадровичка. – Там и термическая обработка, и гальваника, и гальванопластика, чего только нет! Что вам эта лаборатория? Скука смертная, одни микроскопы, а в цехе люди, технологии! Это гораздо интересней.

Настя молча кивнула, ей было уже все равно, цех так цех.

Может, и права эта громкая тетка в платье из синих маков, что сидеть за микроскопом и рассматривать кристаллы металла, определять его вязкость и пластичность скучно – инте-

ресней общаться с людьми, тем более все вышеперечисленные технологические действия ей знакомы.

Комната в общежитии оказалась миленькой, с большим окном, из которого виднелся зеленый лес и горы. Мебель, в отличие от их студенческого варианта, была вполне сносной: мягкий раздвигающийся диванчик, тумба для посуды, маленький стол и стулья. Все, что необходимо для жизни и отдыха.

– Очень даже ничего! Все равно надо устраиваться, – сказала себе Настя.

Ее первый рабочий день начинался рано, за полчаса до восьми, но она вставала легко, быстро и так же быстро собиралась.

В первый рабочий день она очень быстро нашла на территории завода двадцатый цех – громадное двухэтажное желтое здание, внутри которого все шумело, грохотало, гудело, громыхало, галдело.

– Вам кого, девушка? – крикнул ей в ухо кто-то в черном халате, и, обернувшись, она увидела немолодого мужчину.

– Мне к начальнику цеха, Василию Егоровичу Половцеву.

– Это по лестнице вверх, на второй этаж. – И он ткнул куда-то пальцем. – Ты на каблуках в цех не ходи, убьешься, да и по технике безопасности не полагается.

Настя удивленно посмотрела на свои босоножки.

– Какие же это каблуки, так, ни о чем! Хорошо, что я не надела свои красные туфли, там каблук – целых двенадцать сантиметров.

Она постучалась в дверь, приоткрыла ее и услышала зычное: заходите!

– Здравствуйтесь, меня зовут Анастасия Ельчинская, меня направили к вам в цех технологом.

Первый рабочий день технолога Ельчинской прошел как в тумане. Она так нервничала, так хотела сразу дать понять окружающим, что она дипломированный специалист, что с места в карьер взялась изучать техпроцессы и не смогла в них хорошо разобраться. Бред, а не день. На помощь ей пришел мастер Константин Жданов, парень с шоколадными глазами, которого она встретила в кабинете начальника цеха и который обрадовался ее появлению.

– Как хорошо, что на участке теперь будет технолог, я зашиваюсь без вас, милая девушка! – насмешливо проговорил он.

– В общем, это мастер вашего участка, и вы будете работать вместе. Он вам все и покажет. – Начальник цеха Василий Егорович обрадовался, что передает технолога Ельчинскую в надежные руки.

– Пойдемте со мной. – Она молча пошла за мастером. – Я покажу вам цех, экскурсию проведу, если хотите.

– Экскурсия платная? – поинтересовалась Настя.

– Для вас – нет. Это техбюро, это архив, это механический участок, а это наш родной – термичка, термическое отделение и гальваника. – Казалось, что Костя, а именно так он предложил себя называть, по имени, гордился этой шумно-дымной какофонией.

– Здесь по отчеству не принято. А вас как обычно называют?

Она чуть было не сказала – Елка, но вовремя спохватилась.

– Анастасия Юрьевна меня называют.

– Значит, Настя!

Она пожала плечами и решила пока с ним не спорить.

– У нас, между прочим, вокруг цеха столько цветов, и фонтаны есть!

Настя кивнула и усмехнулась про себя – так, пародия на зелень. Три хилые пальмы в кадке. Но критиковать в первый рабочий день территорию цеха она не решилась, надо привыкать и к такому, все-таки Сибирь.

– А это наше с вами рабочее место, наш участок.

Территория участка была большая и заканчивалась длинным переходом с окнами во всю стену. Ее экскурсовод с шоколадными глазами, которые как будто жили отдельно от лица, продолжал восхищаться:

– Здесь самый мощный на заводе пресс, а вот термопечи большой мощности и производительности, здесь можно обрабатывать изделия различной формы весом до нескольких сотен килограммов. Недавно провели модернизацию участка, и теперь печи оборудованы компьютерной системой контроля и регистрации всех технологических режимов. Представляете?

Настя со знанием дела кивнула.

– А это гальванические ванны – серебрение, палладирование, золочение и много всякого разного химически непонятного.

– Да чего уж тут непонятного? Гальваника – это такой электрохимический метод, когда наносятся металлические покрытия на электропроводящий материал для придания ему определенных свойств: защитных антикоррозийных, защитно-декоративных. Повышается коррозионная стойкость деталей, их эксплуатационные характеристики.

– Пять! Пять вам баллов, технолог Настя! – восхищенно воскликнул Костя. – В первый день работы – и такие познания!!!

– Ты надо мной смеешься? – не выдержала она.

– Да что ты! – искренне возразил он. – У меня ведь образование – физкультурный институт, я первый год вообще ничего не понимал, трудно было, читал много, пока не дошел до сути. Самоучка я.

– И сколько ты тут работаешь?

– Три года.

– Ну, а я только пять лет училась, поэтому у меня с теорией все хорошо. Войду в курс и, думаю, буду приносить пользу.

Признаться, Настя не совсем понимала, как можно работать мастером гальваники и термоучастка, имея за плечами физвуз. Можно только точно знать, как делать производственную зарядку. Похоже, мастер самонадеян и зря стреляет в ее сторону глазами. Костя Жданов словно услышал ее мысли, потому что произнес:

– А что вы делаете сегодня вечером?

Настя рассмеялась.

– Я спросил что-то смешное?

– Ожидаемое.

– Так что вы делаете сегодня вечером?

– Сегодня вечером я занята, как и завтра, как и всю следующую неделю.

– То есть отлуп по полной программе?

– Можно и так сказать. – Настя поняла, что мастер хотел добавить что-то еще, но вдруг его позвали с участка.

– Жданов, иди с партией деталей разбираться!

– А можно я с вами?

– Боевое крещение? Ну, пошли!

Настя погрузилась в сопроводительные документы, техпроцессы, взаимоотношения цехов, графики сдачи деталей, взаимовыручки термички и гальваники – и одновременно успокоилась. Она в принципе все понимала, даже разобралась с «непонятками» в техпроцессе. И еще перезнакомилась с рабочими, диспетчерами, которые курсировали между цехами с деталями, и все это становилось ей интересным.

Каждое утро на участке начиналось с планерки, которую вел мастер Константин Жданов и на которой обязательно присутствовала технолог Анастасия Ельчинская. Вопросов от Кости по поводу вечера больше ей не поступало, однако красноречивые взгляды шоколадных глаз

не заметить было нельзя, и Насте парень нравился. Диспетчер Таня Вибрашкина, которую за спиной называли Дурашкиной, однажды не выдержала и сообщила Насте:

– Ты сильно на Костю внимания не обращай. Он на каждую новую юбку кидается!

– Я похожа на новую юбку? – ледяным голосом произнесла Ельчинская.

– Ну, просто на всякий случай предупреждаю. Я же вижу, как он на тебя пялится. У него в каждом цехе таких по десятку.

– Ты лучше внимательно в документы смотри, Таня! Вчера шайбы с термички увезла в другой цех, даже не посмотрев отметку о проведении техпроцесса. Вот куда ты пялилась, непонятно. А за меня не беспокойся, я уже большенькая, разберусь без помощников.

– Я хотела как лучше, – с упреком сказала Таня и демонстративно уехала на электрокаре.

– Не обращай на нее внимания, злой у нее язык. – Гальваник Федор Крупинкин осуждающе смотрел в сторону отъехавшей Татьяны. Гальванику Крупинкину нравилась новый технолог Настя. Во-первых, она старалась разобраться в технологических процессах участка, а во-вторых, если что-то и не понимала, то не гнушалась спрашивать, например, у него. Балагур и физкультурник Костя зря стреляет в девчонку глазами, она умненькая и не поведется на его примитивные ухаживания.

Федор Крупинкин работал в цехе чуть ли не с его основания. Цех был его родным домом, больше, чем просто работой. Он не представлял себя без проходной, к которой утром стекался большой людской поток таких же, как он, работяг, без своего черного рабочего халата, знакомых до боли техпроцессов, которые он уже мог и не брать из архива, а делать работу по памяти. С памятью, несмотря на почтенный возраст, у него все было в порядке, но иногда она подкидывала ему картинки из прошлого, его истории, за которые он мог серьезно поплатиться. Однажды в вечернюю смену, когда, как известно, народу в цехе поменьше, они с термистом Сашкой рассматривали в каптерке принесенные Сашкой иностранные журналы. Приобрести заграничный журнал было трудно, откуда Сашке привалило такое богатство в количестве трех штук, он не спрашивал, но листал заграничные журналы о сказочной жизни с удовольствием. Это сейчас подобных журналов пруд пруди, и фотографии обнаженных дам не вызывают удивления даже у маленьких пацанов, но тогда это было запретным прикосновением к эротике, такой непонятной и не принимаемой в стране.

– Какая деваха! – восклицал Сашка, открывая очередную страницу. – Обалдеть, ноги!

Федор тоже цокал языком, потому что никогда не видел таких ослепительно красивых женщин. Его жена Мария Петровна дома не снимала халат и бигуди, а уж такой очаровательной и манящей улыбки, таких красивых ног у нее точно не было.

Утром его и термиста Сашку позвали к начальнику цеха, где сидел представительный мужчина «из органов», но в штатском, который объяснил всем находящимся в кабинете, что своим поведением они позорят великую Родину.

– Я не понимаю, – сдуру начал отпираться Сашка. – Мы журналы случайно нашли, за углом валялись.

Федор молчал, а вот начальник цеха Василий Егорович был красным, как рак, и опустил глаза в пол.

Дружки отделались испугом, изъятием «продукции эротического содержания» и лишением месячной премии. Кто тогда настучал в органы, как они с Сашкой ни гадали, придумать не смогли.

Сегодня эта история Федору Крупинкину кажется смешной и даже романтической, потому что нынешняя ситуация, в которую он вляпался, пахнет совсем другим – уголовной. А втянулся он слишком глубоко, словно увяз в болоте, но очень хочет выбраться.

Глава 5

Комната, где жила технолог Ельчинская, оказалась миленькой, да само общежитие было обычным многосемейным домом и ничем не отличалось от всех других городских строений. Денег, чтобы строить для молодежи жилье и потом с пафосом выдавать ключи, у города не было, а сохранившееся общежитие машиностроительного завода оставалось конкретно заводской заслугой.

– Очень неплохо тут у тебя! – Юлия огляделась.

– Мне тоже нравится. – Девушки разговаривали почти как подружки, возраст у них был примерно равный, и вдобавок они обе проходили свидетельницами по делу об убийстве, то есть имели одну тайну на двоих.

– Юлия, если ты за интервью, то я не хочу, извини, не до интервью мне сейчас.

– Расслабься, мне тоже не до интервью о молодом специалисте Ельчинской, когда происходят такие вещи. Мне поручено провести журналистское расследование и написать об убийстве вашего рабочего. Пока надо собрать факты, пусть разрозненные, и выдвинуть версию.

– А так бывает? Ты разве следователь?

– В журналистике бывает все, в смысле, когда речь идет о расследовании. Все вроде просто: собираются факты, анализируются, а потом обязательно выдвигается версия, которую надо либо подтвердить, либо опровергнуть.

– А без версии никак? Ты же ответственность на себя берешь!

– Никак, – упрямо мотнула головой Юлия. – Я ведь не учу тебя твоим премудростям, а свои законы жанра я знаю, поверь.

– А от меня-то чего ты хочешь? Я законы драматургии не знаю, иметь отношение к журналистскому расследованию не хочу.

– Ну что ты, Настя! Я пришла просить о помощи. Пожалуйста, расскажи мне о цехе, об участке. Такую общую информацию. Это мне тоже пригодится.

– А ты потом об этом напишешь?

– Да нет же! Послушай, я пришла к тебе не выпытывать что-то, о чем нельзя говорить вслух, а попытаться понять, кому понадобилось убивать твоего гальваника. Ты ведь хочешь, чтобы убийца был найден?

– Конечно, хочу!

– Ну, наконец-то! Тогда расскажи мне для начала про то, что за производство на вашем участке, чем вы занимаетесь. Потом, конечно, о самом гальванике Федоре Павловиче Крупинкине, чтобы понять, кому была выгодна его смерть. Эти факты помогут мне выдвинуть версию.

Настя отвернулась и посмотрела в окно.

– Ну, давай попробуем, вроде как мы теперь связаны убийством. Не знаю, как это у меня получится...

– Давай я буду задавать вопросы. Ты работаешь технологом полгода. Чем ты конкретно занимаешься?

– Ты тогда лучше мою должностную инструкцию почитай, и все вопросы отпадут. Ну, если коротко, всем деталям необходимо улучшить механические и эксплуатационные свойства, а в металлах и сплавах нужно снять внутреннее напряжение. Для этого существует термообработка, там технологий много, но суть одна: на металл воздействуют теплом и меняют его структуру и свойства.

– А зачем на участке ванны с жидкостями?

– Это другие процессы, гальванические, когда на детали наносятся разные металлические и химические покрытия. У нас есть процесс серебрения, палладирования, золочения.

– Золочения? – удивилась Юлька. – Что же ты молчала?!

– Юль, ты думаешь, у нас золотые слитки на участке или серебряные монеты? Это все иллюзии. Так говорят те, кто не представляет, как происходит золочение. У нас обычное гальваническое золочение, при котором выделяются пары очень ядовитой кислоты. А золота-то в покрытии – всего один микрон! Кстати, чистое золото очень некрасивое, грязно-желто-зеленого цвета.

– Да ну?! – удивилась Юля.

– Вот тебе и да ну. Оно красивое, когда в золото добавляют другой металл – кобальт или никель, когда сплав получается. Вот, в общем, весь курс молодого бойца я тебе прочитала.

– А Крупинкин?

– Он работает в цехе очень давно, жена его тоже раньше работала в цехе, пескоструйщицей.

– Кем-кем?

– Пескоструйщицей. На пескоструйном аппарате, это когда детали под давлением обрабатываются, очищаются воздухом, перемешанным с песком. Я ее уже не застала, но о том, что она тут работала, Федор Павлович рассказывал. Знаешь, он хороший гальваник.

– Ну, это я уже слышала. С его женой обязательно поговорить надо. А что еще ты про него можешь сказать?

Настя задумалась.

– Он часто работает в ночную смену, говорит, все равно по ночам плохо сплю. Ты знаешь, мы в прошлом месяце с ним работали во вторую смену, так совпало. Он все время просидел в каптерке, такая маленькая комнатка, где рабочие чай пьют. Работы было немного – две партии деталей покрыть, так он их в ванну опустил и опять в каптерку ушел, а по техпроцессу надо было первые десять минут наблюдать. Но я поняла, что он был не в форме, и сама у ванны постояла.

– Не в форме – это как? После пьянки?

– Вроде нет, хотя с другими рабочими это бывает, особенно после выходных. Федор Павлович словно спрятаться хотел, вот какое-то такое ощущение у меня возникло. Может, мне показалось.

– А в тот день... Давай, вспоминай по минутам.

– Так, по минутам. Утро было самое обычное. Оперативка прошла быстро. Костя Жданов задание рабочим выдал.

– Костя Жданов – это кто?

– Это мастер участка. Он за производственное задание отвечает, а я за технологии.

– Это твой начальник?

– Нет, я технолог в техбюро, у нас у каждого технолога свой участок. Мы с Костей здесь в паре работаем.

– Хорошо, кто в этот день работал на участке? Прямо по фамилиям. Про Жданова я поняла.

– Термисты Сидоров, Солонченко, Дынин и Прокушев, гальваники Крупинкин и Лазарев, пескоструйщица Налько. Наверное, и все. Я сидела за столом и видела, что Сидоров с техпроцессом пошел в архив за чертежом, там требовалось уточнить размеры детали, Солонченко был на пескоструйке, а Дынин пошел в каптерку чай пить.

– А все остальные где были?

– Не знаю, я в техпроцесс изменения вносила, это было минут двадцать, а когда голову от бумаг подняла, на участке никого не было.

– А мастер?

– Он на обед ушел, у нас обед ранний, в полдвенадцатого начинается, он и ушел.

– А остальные почему не пошли?

– Если как раз работа с деталями выпадает на это время, то обед смещается, это разрешено, да и обедают почти все в заводской столовой. Техпроцесс ведь не прервать, вот и смещается обед.

– Ты точно никого не видела?

– Точно никого. Я еще удивилась: тишина такая стоит на участке, что редко бывает.

– А когда тебе Крупинкин сказал, что его жизнь ничего не стоит?

– Ну, это утром, когда волноводы взял в работу, а я снова в техпроцесс погрузилась.

– А что ты там, в техпроцессах, делаешь?

– Да вношу изменения постоянно. Понимаешь, у нас можно взять деталь в работу, только если она в техпроцесс вписана, а то конструктор внесет изменения по покрытию, а детали в техпроцессе нет, и размеры не совпадают. Вот я и мурыжу документ, исправляю, добавляю. У нас ведь потом продукция контролеру сдается.

– И как Крупинкин тебе открылся?

– Да никто не открывался, что ты, честное слово! Он, когда техпроцесс забирал, куда-то мимо меня посмотрел и тихо так сказал: «Жизнь моя ничего не стоит, убьют меня, наверное».

– Ты же первый раз сказала, что убьют!

– Прибьют-убьют – эти слова похожи по произношению. Если бы я знала, что это действительно произойдет, то обратила бы внимание и на слова, и на произношение. Крупинкин часто брякал что-то невпопад, я уже привыкла. Его не очень на участке любили – жадный он был и мог настроение любому испортить, брякнуть что-то «эдакое».

– Ну, например?

– Ну, например, Лазарева он называл агентом империализма, а Дынина – фруктом. К пескоструйщице Налько он все время приставал с предложением обналчить миллион долларов. Как-то балагурил все время. Поэтому я не удивилась. Мало ли что он мог брякнуть. Все остальное ты знаешь.

– Да уж, брякнул, не в бровь, а в глаз. И после этого упал замертво...

Пока журналисту Сорневой было понятно, что из имеющейся информации картинка складывается блеклая, тусклая и рыхлая. Рельеф образа гальваника размывался – были отдельные поступки, неважные и незначительные черты характера. Информационные ручейки оставались тоненькими и слабенькими, и пока они сольются вместе, образуя полноводную реку, должно пройти время.

Глава 6

Егор Петрович Заурский принимал у себя дома старого школьного друга Валерия Сергеевича Голызина. На самом деле они были друг для друга «Егорка» и «Валерка» и дружили так давно, что, по их обоюдному выражению, «так долго не живут». В третьем классе родители привели мальчиков в секцию плавания, вода и совместные тренировки их сдружили. Спортсменом никто из них не стал – один выучился на следователя, другой на журналиста, а дружба получилась на всю жизнь.

Жена Вика приготовила ужин, накрыла им на кухне и занималась своими делами. Любимым делом Виктории Николаевны было вязание, хотя если бы кто-то сказал в свое время юной кокетке Вике, что всем смыслом ее жизни станет муж Егорушка и ручное вязание, она бы посмеялась.

Но жизнь часто преподносит сюрпризы, и нужно научиться принимать их с благодарностью. У Виктории хватило на это мудрости и терпения. Когда они с Егором поженились, то очень хотели детей, но не сложилось, потому что у Вики оказалась мудреная почечная болезнь, при которой беременность противопоказана. Однако, как многие женщины, Вика решила рискнуть, ребенок родился мертвым, и больше она попыток не делала. В это тяжелое время муж так сильно ее поддержал, что позже она буквально растворилась в его делах и его жизни. Женщинам свойственно растворяться в любимом мужчине, хочется интересоваться всеми его делами, быть всегда в курсе всего. Сферы собственной жизни сужаются. Мужчина продолжает работать, делает карьеру, поддерживает дружеские контакты, разрешает себе ездить с приятелями на рыбалку. Он все так же смотрит футбол, просиживает за компьютером и интересуется новинками в мире автомобилей. А женщина забывает себя, свой мир, который когда-то существовал. Все силы посвящаются семейному очагу, ожиданию мужа с работы и выяснению того, как у него прошел день.

Виктория Николаевна оставила работу, и Егор не возражал, а когда в череде домашних дел появилось свободное время, Вика вдруг решила связать мужу носки, до того не имея ни малейшего представления о ручном вязании. Носки получились после третьей попытки, и она решила совершенствоваться дальше. Егор, как же журналисту без этого, тут же нашел информацию, что вязанные шелковые чулки в Европе могли поначалу носить только очень состоятельные люди, и шведский король Эрик IV выписал себе пару шелковых вязаных чулок, стоимость которых соответствовала годовому жалованию королевского сапожника.

– Ну, Викуля, ты меня почти как короля одеваешь! – Она отмахивалась, смеясь, но продолжала вязать – сначала шарф, потом пуловер, потом кофту, пончо, и остановиться уже не могла. Это занятие на удивление помогало ей выразить свою индивидуальность. Сначала она задумывала образ, подбирала фактуру и пряжу, рисунок, и была довольна каждой законченной вещью. Нынче Виктория Николаевна приноровилась вязать крючком, и черная шаль, узоры которой уже можно было сложить в рисунок, ей тоже нравилась.

– Мальчики! Если что надо, зовите.

Но «мальчики» уже ее не слышали, потому что говорили сами, причем довольно громко, эмоционально.

– Да мы сами виноваты, что молодежь такая инфантильная! – убеждал товарища Егор. – К нам приходят журналисты, которые только и могут, что складывать тексты, людьми их быть не научили!

– А зачем им быть людьми, твоим журналистам? Им только текст написать, сорвать одномоментный куш, а дальнейшая судьба человека их не интересует. Таково новое поколение журналистов.

– Твою молодежь это сильно интересует?! Вы ведь только сажаете, а профилактикой никто не занимается.

– А вы пишете об этом, мнение формируйте!

– Издеваешься? Да мы хоть сотни компьютеров сломаем при написании подобных текстов, вы на них разве внимание обратите? Отмахнетесь от нас, как от назойливых комаров!

– Укусить вы успеете! Зачем твоя журналистка со следователем нашим сцепилась, выделываться начала? Ей, видите ли, надо побыть на месте происшествия, вопросы начала следователю задавать!

– Это ты о ком? – спросил Егор Петрович, хотя сразу понял, что речь идет о Юльке Сорневой.

– Заурский, не включай «дурака»! Все ты понял.

– Ты тоже пойми, дорогой друг Валерий Сергеевич, девчонка пришла на завод, в цех на интервью, а тут – убийство, информацию о котором она пропустить не может, а твой следователь, вместо того чтобы ей помочь, поговорить с ней, как с партнером, начал «начальника включать»!

– Да какой она партнер?! Девочка зеленая, случайно оказавшаяся на месте преступления. Убийца не найден, она навредить может.

– А если помочь? Кстати, пришла она туда по моему редакционному заданию.

– Пусть помогает, только в следственный процесс не лезет! Егор, похоже, журналистка твоя не успокоилась, раз ты тут круги нарезаешь?

– Так давай поможем молодежи, пусть добывает информацию под мою личную ответственность, тебе же в помощь!

– Да на фига мне ее помощь! От ваших журналистов только один вред!

– А как тогда молодежь учить? Вот они и растут инфантильными, потому что чужие дяди решают, что им можно, а чего нельзя. Не дают проявить самостоятельность.

– Есть тайна следствия, Егор.

– Я что, пытаюсь убедить тебя в обратном? А что-нибудь есть не тайное, о чем с прессой можно поделиться для вашего же блага?

– Хитрец, Заурский! Поешь, как будто правда о молодежи печешься, а на самом деле тупо меня разводишь на информацию для своей газетки!

– Валерка! Журналиста обидеть может каждый, мы привыкшие.

– Как у тебя хорошо получается, косить под убогого, Заурский! Одно загляденье!

– Каюсь, гражданин следователь! Надеюсь, это мне зачтется. Если серьезно, расскажи, что можешь. Моя девчонка все равно будет писать, искать факты, анализировать обстоятельства, лучше ее записать в помощники. За это предлагаю выпить. Вика вон какие манты приготовила, загляденье!

Егор Петрович налил водки в маленькие стопочки из льда. Это было тоже Викиным умением – делать такие одноразовые ледяные стопочки, заливая воду в специальную форму и замораживая в холодильнике.

– Ну, за молодежь!

– Провокатор ты, Заурский, просто провокатор!

– Я же ради дела! Давай, «колись», говори, о чем можно, – дурашливо подначил Егор.

– Все под твою ответственность, и если что девчонка узнает, – рассказываешь мне. Никаких публикаций без моего ведома!

– Слушаюсь, товарищ подполковник! Разрешите приступить?

– Валяйте! Для начала добавьте мне мантов. Рассказываю. Гальваника убили в цехе, прокнули, как тушку, металлической пикой. Забор из таких делают. Несколько аналогичных пик нашлось на участке, лежали у термопечки кучкой, откуда появились там, никто не знает. По документам таких деталей на участке быть не должно, ищем, кто мог принести их в цех. Галь-

ваник работал в цехе давно, был опытным, никакого криминала за ним не водилось, обычный работяга.

– Значит, необычный, раз от него избавились. Видимо, причина была, может, в чем-то замешан, оказался свидетелем чего-то.

– Версии рассматриваются. Следов борьбы нет. Его просто с ходу закололи, ударов было несколько, он скончался мгновенно, сердце не выдержало, все-таки в возрасте мужчина.

Валерий Сергеевич подхватил вилкой еще один мант и зажмурился от удовольствия.

– Какая вкуснотища! Праздник живота.

– Ешь, ешь, Вика старалась, ей будет приятно, что мы с тобой ее старания оценили.

Теперь скажи, какая версия главная?

– Да нет никаких главных версий. Есть несколько рабочих. Телефон пробили, он жене звонил постоянно, она на пенсии, дома сидит, болеет, говорят, переживал за ее здоровье. Вообще, люди мало откровенничают. Суть высказываний всех опрошенных сводится к одному: хороший гальваник, но мужик вредный, жадный. Точка. Какая была у него жизнь за воротами завода, никого не интересовало. Это раньше были парткомы, профсоюзы и прочие общественные организации, присматривающие за народом. Сейчас этого нет, и запросить грамотную, толковую характеристику на человека не у кого. А ты говоришь, молодежь!

– Я говорю, что молодежи надо помогать, ее надо учить. Она же не виновата, что мы разрушили многие социальные институты. Она про это вообще ничего не знает и думает, что так и было всегда. А гальваник твой во что-то вляпался, так просто не убивают.

– Мне нравится твой журналистский подход. Уже и гальваник «мой», так невзначай как будто.

Егор рассмеялся:

– Не цепляйся к словам!

– А ты не придумывай того, чего нет. Вы, творческие люди, просто мастаки на это. Сами придумываете – и сами верите.

Их дружеское подкалывание прервал звонок. Егор Петрович посмотрел на экран телефона.

– Вот, легка на помине наша журналистка! Это она звонит.

– Да, Юлечка! Что?! – Он изменился в лице. – Ты ничего не напутала?

Валерий Сергеевич прекратил есть манты и произнес:

– Вот-вот, опять проблемы с твоим подрастающим поколением! Такие друзья, что и врагов не надо.

Глава 7

Он увидел ее не сразу, в тренажерном зале, где редко пахло духами и дезодорантами, она стала исключением из правил. От дамочки исходило амбре дешевой, жуткой, отвратительной туалетной воды, что-то среднее между «Красной Москвой» и мужским одеколоном «Шипр», у него даже подступил к горлу ком и задергалось веко.

– Кошмар, как это можно на себя вылить! – пробормотал он.

– Вы мне что-то говорите? – Женщина остановилась рядом, отчего он машинально задержал дыхание.

– Ничего я не говорю, – буркнул мужчина.

– А я сегодня второй раз всего в зал пришла. Решила худеть, – доверчиво сказала дамочка. Он кивнул и дальше заработал на тренажере – двигался по беговой дорожке. Но женщине, вероятно, хотелось общения, она придвинулась к тренажеру так близко, что он чуть не задохнулся от ее парфюма.

– Вы часто бываете в зале? А сколько раз в неделю надо заниматься? А вы моего тренера не видели? – На ее вопросы он мог бы просто нахамить: «Отстаньте, дамочка», – но говорить так не стал, потому что у него был свой безотказный прием. Мужчина повернулся к ней всем лицом, и женщина, посмотрев на него молча несколько минут, просто испарилась. Эту свою особенность – отгонять женщин и пугать собеседников – он за собой знал. Кому же понравится перекошенное лицо – последствие неудачной операции «волчьей пасти»?

Мама и бабушка его обожали, он всегда был для них самым лучшим и самым замечательным. Мужчин в их семье, кроме него, малыша, не было. Уже позже, став взрослым, он понял, что ни один уважающий себя мужчина не задержался бы в этом бабьем царстве надолго. Здесь мгновенно выколачивались, истреблялись все мужские качества, и первую скрипку играла бабушка, а мама была ее достойным продолжением. Бабушка была властной женщиной, железной леди, вокруг которой вертелась вся жизнь семьи. Кстати, мужей у нее было четверо, и только она решала, какая одежда подходит ее мужьям, какой галстук надеть на день рождения, какой делать ремонт и где провести отпуск. Участие мужей в этих процессах не допускалось категорически. Казалось, мужья должны были находиться в состоянии перманентного счастья, им ничего не надо было делать и решать, и можно всего себя посвящать работе. Но, наверное, бабушка чего-то не учла, где-то слишком преуспела в доказательствах, что «он ничтожество», потому что все мужья просто сбегали, даже не пытаясь бунтовать. Казалось, бабушку это мало расстраивало.

– Они не сумели меня понять, не словили кайф от общения со мной, грубые примитивные существа.

Она была уверена в своей правоте, и у нее был свой закон, свои желания, безграничная энергия и жизнелюбие. Даже когда она была уже немолода, вокруг нее все время кружили мужчины разных возрастов и социального положения, в том числе такие, у которых явно было много поклонниц. Что-то в его бабушке привлекало мужчин, чего нельзя было сказать о маме, хотя у властной женщины должна была родиться более властная дочь, иначе не выжить.

Мама забеременела случайно, от какого-то женатого преподавателя. Имя этого случайного мужчины в их доме не упоминалось.

– Ты рожашь нам мальчика, – давала бабушка установку дочери. – Мальчика, который нас не бросит.

Но когда он начал мыслить самостоятельно, первое, что пришло ему на ум, это желание уехать из этого царства любви, затягивающего плотную удавку на его шее.

Когда ему было три года, он понял, что в его внешности что-то не так, люди оборачивались, смотрели сочувствующе, а дети откровенно смеялись. Мальчик родился с волчьей

пастью, есть такая патология, мутация трех генов, когда поражается нёбо и по всей его длине проходит расщелина. Хирургические операции по исправлению челюстно-лицевого порока, которые делаются в таких случаях, обычно заканчиваются с хорошим результатом, но не в его случае. К шести годам он перенес несколько неудачных операций, в одной из них еще занесли инфекцию, но врач уверенно сказал:

– С этим можно жить. Да, непросто адаптироваться к социуму, но жить можно.

Мальчик не понимал, что это приговор, и жалел маму, которая все время плакала. По настоянию бабушки он пошел в обычную школу, но общаться со сверстниками ему было трудно, вследствие неправильного смыкания нёба и глотки у него был неприятный тембр голоса и плохое произношение звуков. Затрудненный прием пищи и процесс жевания пугал его и доставлял мучения. В шестнадцать лет его оперировали снова, и стало значительно лучше, на шрам почти во все лицо он просто не обращал внимания, потому что появилась возможность есть, как это делают обычные люди. Он упорно занимался с логопедом и дефектологом и смог наконец, не напрягая собеседника, общаться, а все остальное, что касается внешности, он переживает.

Единственное, в чем он был последователен с детства, это нелюбовь к зеркалам. Он ненавидел разглядывать свое отражение. Дома, в его собственной квартире, которую он любовно называл «берлогой», зеркал не было совсем. Если надо было что-то рассмотреть, его вполне устраивало отражение в окошке.

Он окончил политехнический и сбежал от бабки и матери в другой город. Когда же получил телеграмму, что бабка умирает, то приехал, словно его кто-то гнал на эту встречу с умирающей. Он об этом ни разу не пожалел, потому что женщина сделала ему прощальный подарок – открыла тайну, которая изменила всю его жизнь. Мужчина словно стал другим человеком, он теперь смотрел на мир другими, уверенными глазами. Вот только с женщинами у него никак не складывалось.

Все свидания и отношения с ними носили кратковременный характер, и его это устраивало. Его мозг, ущемленный внешним проявлением уродства, был нацелен на то, как заработать, потому что он боялся бедности и голода. Схемы, которые возникали в его голове, были нестандартны, рискованны и успешны.

– Я просто играю не по правилам, поэтому вычислить меня невозможно. Мое лицо безобразно, но ум работает четко, и все идеи выходят за рамки дозволенного, используя общепринятые нормы. На мораль и этику мне абсолютно наплевать.

– Вам нравится этот тренажерный зал? – Дамочка не отставала.

Вокруг на тренажерах двигались мужские тела. Он видел интерес в ее глазах и большую красивую грудь в вырезе красной спортивной майки. Грудь словно жила отдельно от своей хозяйки, к груди прилагались широкие бедра.

– Мне нравитесь вы, – вдруг с хрипотцой в голосе сказал он и почувствовал, что хочет коснуться этой роскошной груди. Ему показалась, что дамочка растерялась, потому что она замолчала и теперь просто смотрела на него, и была в этом взгляде какая-то недоговоренность и детское очарование.

– Я старше вас лет на десять! – с вызовом произнесла дамочка.

– А мне нравятся зрелые женщины, – улыбнулся он и про себя подумал: «Ну, это тыхватила, там все лет пятнадцать, а не десять, но все равно хороша для разового использования. Жениться на тебе я не собираюсь, а вот духи заставлю сменить однозначно, а то без противозащиты не подойти».

– Я вас за язык не тянула, – кокетливо сказала она, и вокруг ее глаз тонкими лучиками разбежались морщинки.

– Только вот вы пахнете как парфюмерная фабрика, – не выдержал он.

– Разве? – Она искренне удивилась. – Это дорогие духи, между прочим, я люблю резкий запах.

– Душ примите в тренажерке, думаю, полчаса вам хватит, я буду ждать в машине.

Это прозвучало как-то цинично, но дамочка даже не поморщилась и направилась в сторону душа. Он насухо вытерся полотенцем и пошел в раздевалку, под душ он встанет дома. Ему просто сейчас захотелось женщину.

Лиц своих многочисленных женщин он не помнил, они сливались в одно типовое «блондинка с хорошими формами». Мужчина при встрече с ними не отводил глаза, но каждая из них так и не узнала, любит он ее или нет, его душа оставалась загадкой. Он придерживался свободных отношений и не давал обещаний, не придавал значения чувствам, хотя понимал, что рано или поздно женщину это заденет. Он не окружал женщин, с которыми вступал в отношения, безмерной заботой и действовал по принципу «секс и ничего личного».

Мужчина никогда не говорил слов любви, не потому, что не знал, а потому что ни к одной из них ничего такого не испытывал. Он не знал, что такое любовь, и не хотел это знать. Его так много и долго мучили болезни, он положил так много сил на восстановление своего организма, своего изуродованного лица, что сил на что-то другое у него не было. Ему казалось, что душа его – спущенный воздушный шарик, и нет, не хватает вокруг воздуха, и невозможно впрыснуть адреналин в измученное тело. Одна из тех, которая рассталась с ним недавно, как-то сказала:

– Ты как снежный человек, ты холодный сам и не в состоянии согреть, а женщине необходимо тепло.

Он понял, что она имела в виду, но произнес абсолютно другое:

– Меня согревала ты, и этого достаточно.

– Недостаточно, увы, недостаточно.

Диалог случился накануне их расставания, и оба они знали об этом, потому говорили спокойно и откровенно.

– Когда-нибудь ты пожалеешь, что так использовал женщин, а мы, дурочки, покупаемся на мужские взгляды. Мы каждый раз убеждаем себя, что это любовь, и снова разочаровываемся.

– Тебе плохо со мной?

– Я чувствовала себя вещью.

Новая знакомая шла к его машине в хорошем настроении и даже напевала.

«Ну зачем тебе это подержанное тело? – спросил он себя и сам ответил: – Если она оказалась в нужном месте в нужное время, пусть пока будет. К тому же грудь у нее действительно великолепная».

– Какие у нас планы? – От нее уже не так разило духами, и он вздохнул облегченно.

– А если без планов мы сразу едем ко мне домой? Муж не будет ругаться?

– Не будет. – Она хихикнула. – Муж когда-то был и весь вышел. Я свободная женщина, – вызывающе сказала дамочка.

Ее душа давно просила впечатлений и яркости, оглядывалась по сторонам в поисках «своей жертвы». Может, она встретила наконец своего единственного и неповторимого, который «заглотил ее крючок»? Жаль, что лицо его так изуродовано, но разве мужчине нужно быть красавцем? Красавцев на своем веку она повидала достаточно.

Глава 8

Начальник двадцатого цеха Василий Егорович краснел, потел, но не мог объяснить, почему на участке оказались неучтенные детали. Скорее всего эти чертовы пики для забора принес кто-то из своих, принес, чтобы закалить в печи, сделать их прочными, и явно договорился с кем-то из рабочих или мастером.

– Все за спиной! Вот подстава!

Костя Жданов клялся и божился, что ничего об этом не знает, но то, что в горячей заводской печи могут закаляться «левые» детали, ни для кого секретом не было. Да как можно отказать, например, главному инженеру, который просит закалить тяпку и ножи? Обычно Василий Егорович потихоньку отдавал такую домашнюю утварь мастеру Косте, тот сам договаривался с рабочим и через пару дней отдавал ему выполненный заказ.

Похожие пики он видел раньше, пару месяцев назад, но они по конфигурации были другими, да и не станет он втягивать чужих людей, а с такими просьбами в цех обращаются часто, и в основном начальство. А как следователю об этом сказать? Половцев вытер платком пот на шее и произнес:

– Надо у мастера Кости Жданова спросить, я в этот день к нему на участок совсем не заходил.

– Спросим, конечно, но пока вопросы к вам, и вопросов будет много. – Молодой следователь Агаркин пристально и сурово посмотрел на начальника цеха.

Василий Егорович вздохнул: «Ой, мальчик, не на того напал с пугалками, у меня за всю жизнь столько проверяющих было! Убийств, слава богу, не случилось, но похожих молодых людей в погонах, задающих неприятные вопросы, появлялось предостаточно».

Мужчина спокоен, потому что не имеет отношения к этому происшествию. Конечно, формально он начальник цеха и отвечает за все, но что там произошло с Крупинкиным, почему его закололи пикой, он не представляет.

Вредный был мужик Федька. Есть, конечно, у него свои соображения, он давно знает Федора, и тот мог встрянуть в дурно пахнущую историю, но чтобы лишать человека жизни – это должно быть что-то запредельное. Мария-то, наверное, с ума сходит.

– То есть по существу вопроса, как неучтенные детали оказались на участке, вы пояснить ничего не можете?

– Действительно, не могу. Мастер сейчас мне объяснительную пишет, буду его премии лишать месячной за такие «проделки».

– То есть подобное в цехе впервые, когда около печи обнаружены ничейные детали?

– Впервые, и мастер участка Жданов будет наказан. У нас, понимаете ли, серьезное производство, а не балаган, и убийство в цехе тоже впервые.

– Василий Егорович, а как вы можете охарактеризовать Крупинкина?

– Только положительно. Он ветеран цеха, производственные задания выполняет качественно и в срок. Выполнял.

Молодой следователь Володя Агаркин злился и свое состояние скрывал с трудом. Он чувствовал, что начальник цеха что-то недоговаривает и явно что-то знает, знает, но не хочет делиться своим знанием со следствием.

Рабочие тоже оказались из того же «невнятного теста». Термисты и гальваники хором толковали про свою дикую производственную загруженность, про то, что по сторонам смотреть им некогда, халтуру они в работу не берут, и наказуемо это, и, самое главное, времени у них нет, оборудование загружено под завязку.

– И что, никогда левой работы не брали?

– Нет, – словно сговорившись, отвечали они, что, конечно, по мнению Агаркина, не могло быть правдой по определению.

Гальваник Вадим Лазарев, работавший в смену с убитым Федором Крупинкиным, был просто напуган и ничего, что несет в себе смысловое наполнение, сформулировать не мог.

– Да мы вроде волноводы серебрили, загрузили партию в ванны, я на обед ушел, а он остался.

– Он решил не обедать?

– Да почему? Я с обеда бы вернулся и Федора отпустил. Просто когда детали в ванной, кто-то должен находиться на участке.

– У вас не возникало предположения, что его могли убить из-за конфликта на работе, из-за каких-то рабочих проблем?

– Не возникало. Нет у нас рабочих конфликтов. Задание мастер утром дает, в самом начале смены. Загрузки у нас на двоих гальваников выше крыши, драться нам из-за того, что он возьмет в работу волноводы, а я другие детали, бессмысленно. Федор часто в ночную смену выходил. Работаем по техпроцессу, если что-то не идет, к технологу обращаемся, к мастеру. Мы люди маленькие.

– И все-таки Крупинкина убили.

– Не знаю, ничего не знаю. Нет у меня никаких предположений.

Категорична была только пескоструйщица Света Налько. Ее маникюренные ногти походили на капельки варенья из вишни. Женщина заметно нервничала, и ее ногти-вишни негромко стучали по столу.

– Он всегда меня доставал, подкалывал, язвил. Злой был человек.

– Ну, например, что он говорил?

– У него все время был разговор про деньги, доллар сегодня столько стоит, а евро вот столько. Просил у меня доллары в рубли обналечить.

– Это шутка была?

– Конечно, шутка, дурацкая причем. У меня ни одного доллара в жизни не было. Я одна ребенка воспитываю. А он как идиот привяжется, я злюсь, а он ржет, довольный.

– То есть Крупинкин ориентировался, сколько стоит валюта?

– Не знаю, может, прикалывался так, а может, и ориентировался. Сейчас это не секрет. На всех сайтах курсы валют обсуждаются.

– А он что, много зарабатывал?

– Да нет, в среднем выходило, как у всех.

Следователь Владимир Агаркин первый раз в своей жизни столкнулся с гальваником, который предлагал пескоструйщице обналечить доллары. Впрочем, он был молодым двадцатипятилетним человеком, и многие события в жизни становились для него открытием, потому что сталкивался он с ними впервые.

Когда начальник цеха Василий Егорович вышел из кабинета следователя, он тут же набрал телефон своего зама.

– Толя! Давай ко мне, я только вот от следователя вышел, надо встретиться.

С Анатолием Кубаревым ему повезло, парень с головой, толковый, технически грамотно мыслит, новшества внедряет, будет на кого цех оставить. А ему надо уже думать о пенсии, пора на покой, а то вон давление после допроса зашкаливает. Он достал таблетку и положил под язык. Надо прийти в себя, беседа со следователем в любом возрасте стресс, а уж когда тебе до пенсии несколько месяцев, то и говорить не приходится.

– Я чего волнуюсь, – объяснил он заму. – Сейчас могут начать цех «шерстить», а у нас чуть ли не в каждом углу садово-огородные принадлежности валяются. То один начальник притащит со своего участка, то другой, да и рабочие свою утварь в порядок приводят. Ты, пожалуйста, с Костей Ждановым поговори, чтобы он просмотрел все закоулки, и ни одна тяпка

не валялась. А то, знаешь, это убийство Федора нам аукнется, прокуратура начнет проверки проводить дополнительные, опять будем объяснительные писать, к гальванике привяжутся, к ваннам золочения... Кстати, ты отчеты последние бухгалтеру сдал?

– Не волнуйтесь, Василий Егорович, с отчетами полный порядок. Претензий по драгметаллам к цеху нет. Отчитываемся по золоту и серебру до шестого знака.

– Самое главное, почему Крупинкина убили, за что? Он, конечно, мужик вредный был, на язык острый, но за это не убивают. И еще, как ты думаешь, кто эти злосчастные пики приволок?

– Да кто угодно мог. Сами знаете, кому не лень, всякую шнягу в цех тащат. Одному просверли, другому припаяй, третьему в печь сунь. Любой термист безо всякого ведома мог халтурку взять. Нам этого не узнать, будут молчать, как партизаны. А что касается Крупинкина, даже и предположить не могу. Вы ведь его давно знаете, может, какие старые делишки всплыли?

– Какие делишки, Толя? Он на заводе со мной почти тридцать лет трудится, я его мальчишкой помню. А истории, ну, помню одну, когда его на «Скорой» из цеха увозили с приступом аппендицита. Женился на нашей девчонке из цеха, дочка у них. Вот вроде и все истории. Хотя помнишь, у нас недавно на этом участке технологическая авария была, когда все содержимое гальваники спустили в канализацию?

– Ну, смутно так.

– Как смутно? Комиссия еще была. Первый случай в моей практике. Федька тогда в смену работал.

– Василий Егорович, что старое ворошить, про эту аварию все забыли, и вы не вспоминайте.

– Да, лучше забыть. – Василий Егорович хорошо помнил, что это была смена Крупинкина, но воспоминания негативно отражались на его здоровье, и он категорически не хотел к ним возвращаться.

Когда он только стал начальником цеха, был молодым и амбициозным, произошла история, в которой тоже действующим лицом был Крупинкин. Этот случай он давно вычеркнул из памяти, но сейчас вдруг вспомнил, как будто произошло это вчера. Василий Егорович Половцев поежился – воспоминания отравляли ему жизнь.

– А то представляете, что в свете убийства могут «довесить», – продолжал зам.

– Ты же в комиссии от цеха был, комиссия сделала вывод о технологическом характере аварии, а я выговор получил и премии лишился. Нет, что-то тут другое, Толя, другое. Были у Крупинкина свои загадки. Может, Маша что знает?

– Маша – это кто?

– Жена его. Были у Феди свои странности.

– У всех у нас, Василий Егорович, свои странности.

– Нет, тут что-то другое. Другое. Не дай бог, отголоски старой истории!

А у него давление, и часто давит сердце, и вообще он хочет дожить до пенсии.

Глава 9

Где-то далеко звонил колокол, и Юлька не понимала, то ли этот звон идет с неба, то ли из земли. Она открыла глаза, и выяснилось, что мелодия звучит из телефона.

– Да! Говорите!

– Джулия, ты проспийшь работа. У меня уже вечер, Мед, а ты в кровать.

– Я не в кровать, Кевин, я спала, и спасибо, что ты меня разбудил.

Телефон запиликал, и связь прервалась. Юлька вдруг совсем без причины вспомнила пушкинскую Татьяну из «Евгения Онегина»: «И ранний звон колоколов, предтеча утренних трудов, ее с постели поднимает». Как красиво говорили и писали тогда о женщинах, как восхищались ими! А что сейчас, как пишут в Интернете, ждала девушка принца, ждала, а пришел почтальон и принес ей пенсию, никакого звона колоколов и романтики...

– Как жаль, что ты уехал, и как я не хотела тебя отпускать! Мне так хорошо было засыпать и просыпаться в твоих объятиях, слышать твой голос, твой смех, видеть твою улыбку и глаза, готовить завтрак и все время чувствовать тебя рядом! Как я не хотела тебя отпускать! Мы не совпадаем сейчас по времени, у тебя вечер, а здесь утро, между нами огромные расстояния, моря и океаны, но мы вместе, несмотря на то что я не могу бросить все и уехать с тобой, точно так же, как ты не можешь бросить все и остаться...

Юлька прошлепала на кухню, налила кофе и вспомнила, что сегодня она планировала встретиться с Марией Петровной Крупинкиной, вдовой убитого гальваника Федора. Правда, об этой встрече Мария Петровна не ведала, но у хорошего журналиста всегда есть пара приемов, чтобы завести нужное знакомство.

Все, что ей удалось узнать про эту семью, умещалось в две строчки репортерского блокнотика. Пенсионерка, дочь уехала в Турцию на заработки, там и осталась. Дом, в котором жили Крупинкины, был так называемой «старой застройкой», с массивными окнами и дверями. Подъезд оказался открыт, а вот дверь в квартиру была на удивление дорогой и стильной. Юля нажала на звонок несколько раз, и только через несколько минут дверь открыли.

– Здравствуйте, я журналист местной газеты Юлия Сорнева, готовлю материал о реформе ЖКХ, о советах домов, хочу узнать, как вы оцениваете работу вашего ЖЭКа.

Тетка в старом халате уставилась на нее блестящими очками.

– Ой, я тебя узнала, газету вашу читаю. Хорошо пишешь. Только не до интервью мне сейчас, мужа два дня как похоронила.

– Вы меня простите, как вас зовут?

– Мария Петровна. Да ты проходи, коль пришла. Чай будешь?

– Буду, конечно. Вы уж меня извините, я все квартиры в подъезде обстучала, никого дома нет.

– Так на работе люди, я только вот на пенсии. Федор тоже работал. Это муж мой покойный. Дочь не приехала на похороны, видите ли, из Турции сюда слишком далеко лететь, а то, что мать с отцом последние жилы на нее тянули, это как само собой разумеющееся. Ты проходи, проходи. Я целыми днями одна, поговорить не с кем.

Юлька села на самое удобное место на кухне и облегченно вздохнула, что первый этап она выполнила – встреча состоялась, а дальше только от нее самой зависит, что она сможет вытянуть из этой женщины, чтобы приблизиться к разгадке, кто убил ее мужа. Работа журналиста тем иногда и нравилась ей, что люди охотно шли на контакт и старались рассказать журналисту о своих проблемах, делились сокровенным. Но когда оказывалось, что свои проблемы они никогда не пытались решать сами, а перекладывали их на постороннего человека, пусть даже журналиста, этого она не понимала. Здесь же был тот самый случай, когда откровенность ценилась на вес золота. А Марии Петровне, похоже, очень надо было выговориться.

– Мы в этой квартире всю жизнь прожили, Федькиных родителей это квартира. Он меня сюда совсем молоденькой девчонкой привел, тут дочка выросла, родители его померли. Жизнь вся в квартире и прошла.

– Хорошая квартира, светлая, – согласилась Юля.

– Жаловаться мне нечего. На заводе всю жизнь проработала, муж тоже. – Женщина вздохнула.

– Вы сказали, что мужа похоронили. Примите мои соболезнования. Что с ним случилось?

– Убили его, прямо на заводе и убили. Можно сказать, на рабочем месте и помер.

– Как на заводе убили?! Он у вас, что ли, в охране работал и преступника обезвредил?

– Он гальваником был, простым рабочим. Вот какие-то бумаги после него разбираю, целый пакет. Надо наследные дела оформлять.

– Почему его убили? Ведь если ему угрожали, то вы об этом могли знать. Почему в полицию тогда не обратились?

– Какая полиция! Он, если в первую смену, утром уходил на работу, вечером возвращался. Мы все больше у телевизора любили сидеть, а еще он Интернет любил, на компьютерные курсы пошел несколько лет назад, чтобы разобраться.

– В чем разобраться?

– Письма он кому-то по Интернету писал. Курс доллара смотрел, новости футбольные. Компьютер изъяли следователи, а бумаги я сразу к соседке унесла от греха подальше, вдруг там про деньги что-то есть, а у меня эти бумаги конфискуют? Вот сегодня назад бумаги забрала. – Она потрясла пакетом. – На дочку сильно обиделась, на похороны к родному отцу не приехала, разве так бывает!

– Не держите обиды, Мария Петровна, раз не приехала, значит, не смогла. Там, в Турции, несладко, несмотря на то что есть море, солнце и фрукты. Она там где работает? В отеле?

– Да не знаю я, говорит, что работа хорошая. Звонит раз в полгода, я ее через подружку школьную нахожу, Аню Горшкову. Она в регистратуре поликлиники работает. Ты пей чай, вот коврижка медовая, муж такие любил.

– Но ведь за что-то его убили! Не может быть, чтобы вы приближение беды не чувствовали!

– Что ты заладила, как дятел, не может быть, не может быть! Это мы по молодости друг от друга оторваться не могли, всюду вместе ходили – и на работу, и в гости, а уж когда состарились, так каждый сам по себе. Когда-то меня Федор жалел. Да тебе, молодой, этого не понять. Я свое здоровье на пескоструйке в цехе подорвала, знаешь, какой гадостью дышала, теперь без одышки на второй этаж подняться не могу! Ты пей чай, он остыл уже, – заботливо добавила Мария Петровна.

– Да уж, от работы ни у кого здоровья не прибавляется, я таких заводских историй знаю массу, – тут же придумала Юля.

– Вот погляди, договоры какие-то с подписями. Может, вклады банковские? Федор меня, конечно, не обижал, но прижимистый был мужик. Знаешь, что еще скажу? Что газету твою и твои статьи читаю. Ты молодец, людям простым помогаешь, о ветеранах заботишься. Сердцем пишешь, наверное, родители тобой гордятся, а я вот одна осталась, одишенька...

– А я без мамы выросла. Так сложилась. Не знаю ее и не помню совсем. Не обижайтесь на свою дочь. Кто любит, всегда прощает.

Мария Петровна всплеснула руками – вот у каждого своя судьба!

– Какие бумаги посмотреть? Давайте, если смогу разобраться.

– Ты молодая, грамотная, к тому же журналистка, разберешься. Думаю, что там должны быть банковские документы. Я ведь дома денег не нашла. Где ж его сбережения, ума не приложу?

Юля взяла увесистую кипу бумаг, и ее глаза от удивления широко раскрылись. Мария Петровна смотрела на нее с надеждой.

– Скажите, вы когда-нибудь отдыхали за рубежом?

– Нет, я отдыхаю на своей даче в Додонове.

– А ваш муж?

– Тоже нет. Вместе на дачу ездим, машина у нас есть, старенькая, правда, но на ходу, муж ее всегда подшаманивал.

– Мария Петровна, я не знаю, что у вас там за дача в Додонове, но вот документы на дом в Испании, город Торревьеха, Коста-Бланка. Площадь дома сто двадцать квадратных метров, три спальни, двести метров от моря. Стоимость дома – двести тысяч евро.

– Это не шутка? – опасливо спросила Мария Петровна.

– Нет, не шутка. Вам нужно нанять юриста и разобраться со своей собственностью. Никаких договоров и вкладов в банк я пока не увидела. Здесь нужен специалист, юрист, который занимается недвижимостью.

– Помоги мне, – вдруг зашептала Мария Петровна. – Никому не верю, все меня «обкрадут».

– Да почему, это ведь не девяностые годы вашей юности! Заплатите юристу, и проблем не будет.

Мария Петровна словно не слышала и продолжала шептать:

– За мной следят, я знаю. Теперь понятно, почему.

– Вы действительно ничего не знали про дом в Испании?

– Конечно, нет, а то зачем я картошку в Додонове выращиваю! Ну, Федька, ну, гаденьш! –

И она погрозила кулаком куда-то вверх. – Помоги мне, девочка, не бросай меня. Дочь меня бросила, денег тоже нет. Что делать, не знаю. Должна ведь газета людям помогать!

Глава 10

Она заметила его недавно и подошла к нему сознательно, с глупым вопросом, изобразив случайную встречу.

– Как вам тренажерка?

Уж ей ли не знать про эти тренажерки! Она периодически худела, отжимаясь по двадцать раз от пола, вертела ногами до одурения, это упражнение называлось «велосипед», множество раз приседала, и все под контролем персонального тренера. Все эти напряжения тела были исключительно ради мужчин, без них она не мыслила своего существования.

Жизнь без мужского пола в принципе теряла смысл, поэтому она совершала почти героические подвиги, чтобы он оказался рядом. Дамочка считала, что в ее возрасте женщины проверяются на качество нанесения макияжа, на килограммы и ухоженность, если результаты проверки не соответствуют «золотому стандарту», то женщина будет непривлекательной.

Этот стереотип возник не на пустом месте, укоренился, и выкорчевать его было невозможно.

В ее мире мужчины присутствовали всегда, она трижды была замужем и всех своих официальных мужей так и называла: Муж Один, Муж Два и Муж Три. Между ними еще было несколько самцов, с которыми дело ограничивалось постелью, но до загса не доходило.

Муж Один достался ей по молодости и по глупости и звал ее дурацким именем Люсинда, которое приклеилось к ней среди друзей. Уже потом в умных книжках она прочитала, почему молодые женятся. Оказывается, для того, чтобы узаконить занятия сексом. В этом утверждении была доля правды, они действительно с Мужем Один первое время просто не вылезали из постели, но потом у нее возник целый перечень дамских претензий к мужской половине. В него входили валяющиеся по комнате носки, регулярные посиделки с друзьями и пивом на кухне и, конечно, полное отсутствие внимания к ней, любимой и единственной. Но, как оказалось, она была не очень любимой и совсем не единственной. Раздражение на молодого супруга достигло апогея, и объяснение состоялось бурное, с летающими и бьющимися на кухне тарелками, с криками и скандалами. Из принадлежащей ей комнаты Муж Один исчез, забрав с собой принадлежавшие ему по праву носки.

Одна Люсинда пробыла недолго, Муж Два нашел ее в ресторане, куда пришел с друзьями отмечать что-то юбилейное. Она сразу заметила его за соседним столиком и прошептала подруге:

– Посмотри направо. Мужик – обалдеть!

Мужчина был и правда хорош, такой итальянский тип внешности: смуглая оливковая кожа, темные волосы и пронзительный взгляд шоколадных глаз. Она пошла на интересующий ее объект тараном, пригласила на «белый танец», а потом уж все остальное было делом техники, поскольку он сразу не смог оторвать взгляда от ее красивой груди. Об этом своем достоинстве Люсинда знала и использовала его по назначению в достижении намеченной цели. А цель была одна, простая до примитивности: она захотела, чтобы этот мужчина остался с ней, и он стал Мужем Два.

Муж Два оказался любвеобильным, она ловила его вожделенные взгляды, которыми он провожал чужих женщин, читала его эсэмэски с незнакомых телефонов. Люсинда чувствовала, что он просто бабник, умело маневрирующий в своих любовных похождениях. Возможно, она бы и дальше терпела наличие его многочисленных подружек, но он бросил работу. По его словам, работа риелтора перестала быть для него интересной, а другое занятие он пока не нашел, поэтому и бездельничал на диване. Поиск работы у Мужа Два затянулся и вызывал негодование Люсинды.

Муж Два как-то постепенно перестал радовать душу, ведь денег много не бывает, они нужны не только для ужинов в дорогом ресторане, но и для обычной жизни. Она пускала в ход всю свою женскую хитрость и сообразительность, была мудрой и терпеливой, но все безрезультатно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.